

Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке

Д.В. Герасимов (ИЛИ РАН, С.-Петербург)

Ю.А. Ландер (ИВ РАН, Москва)

1. Введение

Настоящая работа посвящена одному из классов адыгейских предикатных форм, образуемых при помощи маркера *зэрэ*¹. Среди других форм, включающих данный показатель, рассматриваемый класс обычно выделяется по двум критериям: (i) составляющие, образуемые рассматриваемыми формами, а в примерах выделяемые квадратными скобками, наиболее близки актантам, указывающим на пропозиции², в то время как другие аналогичные формы обычно описывают участников ситуации, (ii) названные формы практически всегда выступают в качестве вершин именных групп. Оба свойства могут быть проиллюстрированы примером (1), где маркированные косвенным (традиционно именуемым эргативным) падежом предикации, которые возглавляются *зэрэ*-формами описывают объекты послелого *пае*:

- (1) ...[*кЫмафэм клецхэр зэрахэмышьотым*] *пае*, [*клецыр зэрэбгълэтым*] *пае*
ç'əmafe-m kl'eš'-xe-r zer-a-xe-mə-χ_we-tə-m paje,
зима-ERG клец-PL-ABS *zere*-3PL-LOC-NEG-становиться-IRR-ERG для

¹ Исследование основывается на данных, собранных в ауле Хакуринохабль Республики Адыгея в ходе работы Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ 2003-2006 гг. Приводимые примеры иногда – хотя и не всегда – отражают некоторые особенности абадзехского диалекта адыгейского языка, носители которого проживают в Хакуринохабле (см. Кумахова 1972). Ранняя версия работы была представлена на конференции по типологии отглагольной деривации (Москва, апрель 2005 г.). Авторы признательны участникам экспедиции и конференции и в особенности П. М. Аркадьеву, М. С. Полинской, Н. В. Сердобольской, Н. Р. Сумбатовой, Я. Г. Тестельцу, В. С. Храковскому за дискуссию, хотя они могут быть и не согласны с нашими выводами. Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 06-04-00194а).

² Ниже мы будем с некоторой долей условности использовать термин *пропозициональные актанты* для составляющих, референция которых определяется всей описываемой пропозицией или же ее предикатом, но не каким-либо из участников соответствующей пропозиции ситуации.

kl'eš'ə-r zere-b-ke-λe-tə-m raje

клевщ-ABS zere-2SG-CAUS-умирать-IRR-ERG для

‘...чтобы зимой клеши не заводились, чтоб они были мертвыми (букв.: чтоб ты их убивал)’

Итак, на первый взгляд, *зэрэ*-формы³ могут выступать как функциональные аналоги номинализаций в других языках. Тем не менее, ниже мы аргументируем точку зрения, согласно которой такие формы в действительности являются результатом релятивизации особого *фактивного аргумента*, вводимого специальным префиксом «актантной деривации»⁴. Таким образом, адыгейский язык предоставляет формальное свидетельство существования такого аргумента в фактивных высказываниях.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 описываются основные контексты, в которых встречаются *зэрэ*-формы, а в разделе 3 дается их семантическая интерпретация. Раздел 4 показывает, что конструкции с этими формами могут трактоваться как результат релятивизации фактивного аргумента. В разделе 5 обсуждаются диахронические аспекты фактивной конструкции. Последний раздел представляет собой заключение.

2. Функционирование *зэрэ*-форм

Формы с префиксальным компонентом *зэрэ*- способны выступать в целом ряде синтаксических контекстов. Во-первых, они используются в пропозициональных актантах⁵ при таких матричных предикатах, как *мэгушъон* ‘радоваться’, *гу рихъын*

³ Далее под *зэрэ*-формами будут пониматься только формы, принадлежащие обсуждаемому классу – если не указано иное.

⁴ Употребляя термин *актантная деривация*, мы не настаиваем на том, что данный процесс действительно является словообразовательным, точно так же, как говоря о *формах*, мы, на деле, не считаем это словоизменением. Для полисинтетического языка типа адыгейского характеризовать что-то как словоизменение или словообразование бессмысленно, т.к. словоформа здесь может строиться в процессе речи, а не извлекаться в готовом виде из лексикона.

⁵ В норме *зэрэ*- присоединяется к сказуемому пропозиционального актанта, но иногда такое маркирование может получать вложенный компонент зависимой полипредикации:

(i) *Cə cəʃIə* [ар *кызыэрэКонэу фаер*].

se se-ʃe a-r qə-zere-κ_we-n-ew faje-r

я 1SG-знать тот-ABS DIR-*zere*-идти-POT-ADV хотеть-ABS

‘Я знаю, что он хочет придти.’

‘нравиться’, *шIэн* ‘знать’, *лъэгъун* ‘видеть’, *гурьIон* ‘понимать’ и др. (см., в частности, Керашева 1984; об аналогичных конструкциях в наиболее близком адыгейскому кабардино-черкесском языке см. в первую очередь Кумахов, Вамлинг 1998):

(2) *Янэ ыгу рихъырэн [кIалэр еджэным зэрэдэшъхьырэр].*

jane ə-g_wə r-jə-hə-r-ep
 POSS+мать 3SG-сердце 3SG-3SG-нести-DYN-NEG
 ç'ale-r je-že-nə-m zere-de-šhə-re-r
 мальчик-ABS 3SG(IO)-учиться-POT-ERG zere-COM-лениться-DYN-ABS
 ‘Мать недовольна, что мальчик ленится учиться.’

(3) *Сэ кIэлэгъаджэ сызэхъум [зэрэметод дэгъур] къызгурьIожьыгъ.*

se ç'elejeваže sə-ze-χ_wə-m zere-m'etod-dek_wə-r
 я учитель 1SG-REL-становиться-ERG zere-метод-хороший-ABS
 qə-z-g_wəгə-ž'ə-к
 DIR-1SG-понимать-RFC-PST
 ‘Когда я стала учителем, (ее) метод мне пригодился (букв. я поняла, что это хороший метод).’

В ряде случаев *зэрэ*- оформляет и субъекты одноместных предикатов:

(4) [*Аслан кIызэрэкIуагъэр*] дэгъу.

aslan qə-zere-k_wa-кe-r dek_wə
 Аслан DIR-zere-идти-PST-ABS хороший
 ‘То, что Аслан приехал, — хорошо.’

Во-вторых, рассматриваемые формы способны выступать в качестве объектов послелого *нае* (абадзехский вариант – *nale*) ‘для’, а также, возможно, некоторых других послелогов. Включающие *зэрэ*-формы группы с *нае* выражают семантику цели (см. пример 1)⁶ и мотива/причины (примеры 5 и 6)⁷.

По-видимому, подобные конструкции допустимы лишь в случае особо тесной семантической сопряженности предикаций, фактически приводящей к формированию сложного сказуемого.

⁶ По-видимому, при выражении цели *зэрэ*-форма обычно выступает в будущем времени – с показателем *-цт*, глоссируемым здесь как маркер ирреальности. Кроме того, по крайней мере при выражении

(5) *О чэтыу зышхыгъэ хьам уфэд, уигьогу зэрзэтичыгъэм пae.*

we č'etəw zə-šxə-ke ha-m wə-fed, w-jə-β_weg_wə
ты кошка REL-есть-PST собака-ERG 2SG-подобный 2SG-POSS-дорога
zer-ze-p-jə-č'ə-ke-m paje
zere-RFL-LOC-3SG-перебегать-PST-ERG для

‘Ты как собака, загрызжая кошку, поскольку тебе перебежали дорогу.’

(6) [*КІэлэеджакІор дэгъоу зэреджэрэм*] пae *кІэлэгъаджэр цэтхъу.*

č'eleježak_we-r deβ_w-ew zer-je-že-re-m paje č'elejeβaže-r
мальчик-ABS хороший-ADV zere-3SG(IO)-учиться-DYN-ERG для учитель-ABS
š'etχ_wə
хвалить

‘Учитель хвалит мальчика за то, что тот хорошо учится’.

Зэрэ-формы, маркированные сочетанием эргативного суффикса -м с инструментальным -кІэ (или, реже, послелогом *пae*) функционируют также в качестве вершин вводных конструкций со значением ‘что касается того, что...’:

(7) [*ЗэрэКІожьыцтэмкІэ*] *къариуагъ.*

zere-κ_we-ž'ə-š'te-m-č'e q-a-r-jə-?wa-β
zere-идти-RFC-IRR-ERG-INS DIR-3PL-AUG-3SG-говорить-PST

‘Он сказал им, что уедет.’

(Букв.: ‘Что касается того, что он уедет, он им об этом сказал.’)

В-третьих, *зэрэ*- иногда обнаруживается в приименных пропозициональных актантах (примеры 8-9). Впрочем, такие конструкции признаются далеко не всеми носителями.

целевого значения послелог иногда может быть опущен (ср. *унагъо зэрашІэцтым* ‘для создания семьи’ в примере 39).

⁷ В этом употреблении они могут быть заменены на *зэрэ*-форму с сочетанием эргативного показателя и маркера так называемого «творительного падежа» -кІэ. Например, аналог примера (6) может выглядеть следующим образом: [*КІэлэеджакІор дэгъоу зэриджэрэмкІэ*] *кІэлэгъаджэр цэтхъу.*

(8) *Сэ зэхэсхыгь къэбар [о укьызэрэкДуагьэр].*

se ze-xe-s-hə-в qeбар we wə-qə-zere-қ_wa-ве-г
я RFL-LOC-слышать-PST новость ты 2SG-DIR-zere-идти-PST-ABS
'Я слышал новость, что ты пришёл'.

(9) *тхыль [Лениным Зимнийыр зэриштагьэр]*

txəл l'en'inə-m z'imn'ijə-г zer-jə-šta-ве-г
книга Ленин-ERG Зимний-ABS zere-3SG-брать-PST-ABS
'книга о том, что Ленин взял Зимний'

Как уже упоминалось выше, *зэрэ*- встречается и в других конструкциях (например, при релятивизации инструмента и способа действия; см. раздел 5), которые, однако, имеют прозрачную семантику, отличную от той, что наблюдается у форм, составляющих предмет нашего исследования. Но помимо них, в адыгейском языке имеется ещё два класса форм, включающих *зэрэ*-, связь которых с упомянутыми употреблениями остаётся неясной. К первому классу относятся кратко упомянутые в Рогава, Керашева 1966: 177 формы с адвербиальным суффиксом, выражающие обстоятельственное значение 'как только P, ...' (с предельными предикатами) или 'пока P, ...' (с неопредельными) (пример 10). Второй класс составляют формы вроде (11), обычно выступающие в роли сказуемого и имеющие значение, близкое к результативному. В разд. 3 будет предложена гипотеза об их связи с рассматриваемыми здесь формами⁸.

(10) [*Сабыыр зэрэчыуеу*] *ныр унэм кьыкIыжъыгь.*

sabəjə-г zere-čəj-ew nə-г wəne-m qə-č'ə-ž'ə-в
ребенок-ABS zere-спать-ADV мать-ABS комната-ERG DIR-выходить-RFC-PST
'Как только ребёнок заснул, мать вышла из комнаты.'

(11) *КIалэр зэрэчыыгь.*

č'ale-г zere-čəja-в
парень-ABS zere-спать-PST
'Парень всё ещё спит.' / 'Парень выспался (и больше не спит).'

⁸ *Зэрэ*- образует также некоторые формы реципрока; кроме того, он способен присоединяться к именным группам, выступая в качестве универсального квантификатора. Вопрос о данных функциях остается за пределами данной статьи.

Как кажется, в (13) единственное такое различие состоит в представлении пропозиции: обсуждаемые клаузы противопоставлены в том, что первая из них указывает на *факт*, а вторая на *ситуацию*. Следовательно, можно предположить, что в рассматриваемых конструкциях *ээрэ*- маркирует предикации как имеющие референцию к факту.

Однако хотя противопоставления вроде представленного в (19) однозначно трактуются как проявления оппозиции факта и ситуации, в литературе отсутствует консенсус по поводу собственно природы факта (см. подробное обсуждение в Kratzer 2002). Ниже мы кратко изложим наше понимание данного вопроса:

1. Наиболее принципиальным отличием факта от ситуации нам представляется то, что первый, в отличие от второй, недоступен для непосредственного восприятия: в то время как ситуация представляется обычно именно как единица восприятия, факт является скорее единицей знания или памяти, т.е. единицей, подразумевающей референцию вне связи с ближайшим контекстом. Это же объясняет, почему указания на факты так часто встречаются рядом с ментальными глаголами.

2. Любой факт привязан к некоторой *базовой ситуации*, реальной или вымышленной, поскольку только такая связь делает факт доступным с точки зрения характеристик, известных говорящему и адресату и воспринимаемых ими. Именно поэтому указание на факт всегда предполагает описание базовой ситуации и чаще всего также средства, маркирующие фактивность (и нередко обнаруживающие свойства номинализаторов; ср. Арутюнова 1988); другими словами, указание на факт всегда производно от указания на ситуацию. При этом соответствующий факт, по-видимому, может быть «построен» для каждой ситуации.

3. По-видимому, можно говорить о взаимно-однозначном соответствии между фактом с одной стороны и ситуацией и ее интенциональным представлением с другой стороны. Таким образом, каждому факту соответствует только одна ситуация. Однако одной ситуации может соответствовать несколько разных фактов, поскольку ситуации, как правило, допускают разные представления: например, если одна и та же ситуация может быть описана как *X попробовал дуриан* и *X надкусил дуриан*, ей могут соответствовать по меньшей мере два факта.

4. В принципе, базовыми для фактов могут быть ситуации разной степени индивидуализированности: базовая ситуация может быть событием, состоянием (в том числе результативным, как в случае *то, что X прочитал весь «Капитал»*) и т.д. Более того, в качестве базовой может выступать и генерическая ситуация (как в *то, что тигр – млекопитающее* или *то, что солнце заходит на западе*). Тем не менее, важно, чтобы базовая ситуация была достаточно конкретной, опознаваемой, что, кстати, как раз и определяет отмеченный в ряде работ эффект пресуппозиции: пропозиция, соответствующая базовой ситуации, полагается как презумптивная (в первую очередь, не попадающая в сферу действия отрицания). В нашей

концепции данный эффект представляется как импликация конкретности ситуации (причем вовсе не обязательная; ср. Зализняк 1990; Kratzer 2002). Поскольку базовая ситуация конкретна, но в фактивном выражении ее существование не входит в ассерцию, она должна быть опознаваемой благодаря другим механизмам. В норме такая ситуация уже введена в дискурс, хотя в ином случае ее существование может быть «домыслено» в результате процесса аккомодации (любые пресуппозиции, требуемые высказыванием, объявляются существующими, если ничего этому не противоречит; см. Lewis 1979).

5. Как правило, упоминание факта предполагает привлечение двух планов – собственно базовой ситуации и того положения дел, которые имеет благодаря этой ситуации. Действительно, говоря о факте, адресат обычно подразумевает релевантность его следствий – и как раз это (вкуче с привязкой к факта к интенциональному представлению ситуации) позволяет включать факты в систему логических заключений.

Как кажется, большинство рассматриваемых употреблений *зэрэ*-форм укладываются в данную концепцию. Так, примеры вроде следующего указывают на то, что при использовании *зэрэ*-форм речь идет не о ситуациях, но о некоторых единицах, которые описываются через ситуации:

(14) ...*aw* [Бэлэtkoпцым джауцтэу зэриумысыгъагъэр Джэнчэтэ Къуинэшъу
къытэнэсыжъыгъ.

aw beletk_wepš'ə-m žawəš't-ew zer-jə-wəməsə-ka-ke-r

но Болеткоп-ERG так-ADV *zere*-3SG-обвинять-PST-PST-ABS

ženč'ete q_wəjəneš_wə qə-te-nesə-ž'ə-k

Дженчет Куйнеш DIR-1PL(IO)-доходить-RFC-PST

‘... но что Болеткопц так оскорблял Дженчет Куйнеша, дошло до нас.’

С этим согласуется и общая сочетаемость рассматриваемых форм. С одной стороны, они не употребляются при модальных и фазовых предикатах, актантами которых, надо полагать, должны выступать клаузы, описывающие ситуации. С другой стороны, существует обширный класс предикатов, допускающих разные пропозициональные актанты, в том числе и содержащие *зэрэ*-. При этом при ментальных предикатах типа *шIэн* ‘знать’, *гурьIон* ‘понимать’, *зэрэ*-формы обнаруживаются особенно часто (15a) – но не в контекстах, в которых пропозициональные актанты не являются референтными, как в (15b), где полагаются возможными две противоречащие ситуации (‘P’ и ‘не P’):

(15) a. *Аслан ышIэрэн [о укьызэрэкIуагьэр].*

aslan ə-ʂe-r-ep we wə-qə-zere-ḱ_w-a-ve-r
Аслан 3SG-знать-DYN-NEG ты 2SG-DIR-zere-идти-PST-ABS
‘Аслан не знает, что ты приехал’

b. *Сэ сшIэрэн о укьызгьэцтагьэми.*

se s-ʂe-r-ep we wə-qə-z-ke-š'ta-ke-m-jə
я 1SG-знать-DYN-NEG ты 2SG-DIR-1SG-CAUS-бояться-PST-COND-CON
‘Я не знаю, напугал ли я тебя.’

Контраст, связанный с конкретностью базовой ситуации, обнаруживается и во многих других случаях. Так, следующие примеры с матричными предикатами *гуанэ* ‘удовольствие’ и *гум ыхьын* ‘нравиться’ показывают, что *зэрэ*-формы не возникают, когда речь идет о недостаточно конкретной ситуации, но естественны при указании на факт наличия некоторой ситуации:

(16) a. *Мэфэ жьорькым улэжьэныр гуанэн.*

mefe ž_werqə-m wə-lež'e-nə-r g_wap-ep
день жара-ERG 2SG-работать-POT-ABS удовольствие-NEG
‘Работать в жаркий день – неприятно.’
(Букв.: ‘Твоя работа в жаркий день – не удовольствие.’)

b. [*УкьызэрэкIуагьэр*] *сигуанэ.*

wə-qə-zere-ḱ_wa-ve-r s-jə-g_wape
2SG-DIR-zere-идти-PST-ABS 1SG-POSS-удовольствие
‘Я рад, что ты пришел.’ (Букв. ‘То, что ты пришел, - мне удовольствие.’)

(17) a. *Сэ сыгу рехьы ац мы джанэр ыщыгьэу.*

se sə-g_wə r-j-e-hə a-š' mə žane-r
я 1SG-сердце 3SG-3SG-DYN-нести тот-ERG этот платье-ABS
ə-š'əw-ew
3SG-носить-ADV
‘Мне нравится, когда она носит это платье.’

b. [*КIалэм зэрелгырэр*] *сэ сыгу рихьырэн.*

č'ale-m zer-je-рлэ-re-r se sə-g_wə
парень-ERG zere-3SG(IO)-смотреть-DYN-ABS я 1SG-сердце

r-jə-hə-r-ep

LOC-3SG-нести-DYN-NEG

‘Мне не нравится, что он смотрит на мальчика.’

Наконец, примеры (18), включающие матричный предикат *Ion* ‘говорить, сообщать’ демонстрируют, что ситуация, являющаяся новой для дискурса при том, что существование ее в данном контексте постулироваться не может, также не допускает оформления *зэрэ-*, но аналогичная генерическая ситуация, которой в контексте ничего не противоречит, в силу аккомодации таковое маркирование разрешает:

(18) а. *Ац ахъцэр ымыштагъэу еIo.*

a-š' aχš'e-r ə-mə-šta-v-ew j-e-ʔ_we

тот-ERG деньги-ABS 3SG-NEG-братъ-PST-ADV 3SG-DYN-говорить

‘Он говорит, что не брал деньги.’

б. [*Мэфэ фабэм Иоф тилэнкIэ зэрэкъиныр*] *лЫжъым къеIo.*

mefe fabe-m ʔ_wef p-ŕe-n-č'e zere-qjəpə-r

день теплый-ERG работа 2SG-делать-POT-INS zere-трудный-ABS

λə-žə-m q-j-e-ʔ_we

мужчина-старый-ERG DIR-3SG-DYN-говорить

‘Старик говорит, что в жаркий день работать трудно.’

Как можно было увидеть выше, клаузы, включающие *зэрэ-*, зачастую являются презумптивными, но это верно не всегда. Наиболее показательны в этой связи примеры (19) и (20), в первом из которых речь идет о вероятности некоторой ситуации, а во второй соответствующая пропозиция и вовсе отвергается:

(19) [*Маринэ бзыльфыгъэ дакIу зэрэхъуцтыр*] *арыгъэцтын.*

marine bzəlfəve daq_wə zere-χ_wə-š'tə-r a-rə-ve-š'tə-n

Марина женщина швея zere-становиться-IRR-ABS тот-PRED-PST-IRR-POT

‘Марина, наверное, швейей станет.’

(Букв.: ‘То, что Марина станет швейей, - вероятно.’)

(20) [Ахъмэд ахъицэ зэриштагъэр] шъыпкъэн.

axmed axʃ'e zer-jə-ʃta-ʒe-r šəpɔ-ep
Ахмед деньги zere-3SG-брать-PST-ABS правда-NEG
'То, что Ахмед взял деньги — неправда.'

Но эти примеры не противоречат нашему пониманию фактивности. В обоих случаях составляющая с *зэрэ-* является топиком, что несомненно, связано с конкретизацией ситуации. В (19) благодаря аккомодации в дискурс вводится представление о некоторой ситуации, которая далее может обсуждаться с точки зрения вероятности факта ее осуществления. Что касается (20), то здесь описываемая ситуация уже обсуждается, а следовательно, достаточно конкретизирована.

Базовая ситуация не находится в пресуппозиции и в целевых конструкциях, включающие *зэрэ-*формы, вводимые послелогом *nae/nale*:

(21) ... [зэрэтымыгъэчыетым], [зэрэмычыетым], [къызэрэтымыгъэцэтэтым]

naletəri tɨkloxti ...
zere-tə-mə-ʒe-čəje-tə-m, zere-mə-čəje-tə-m,
zere-1PL-NEG-CAUS-спать-IRR-ERG zere-NEG-спать-IRR-ERG
qə-zere-tə-mə-ʒe-š'te-tə-m paʔ'e-te-rjə tə-k_we-xe-tjə ...
DIR-zere-1PL-NEG-CAUS-пугаться-IRR-ERG для-IRR-CON 1PL-идти-PL-CS
'Для того чтобы он не спал (букв. мы ему не давали спать), чтобы не заснул и чтобы мы его не испугали, мы туда ходили и...'

Прежде всего, напомним, что аналогичная конструкция используется и при сообщении о мотиве/причине осуществления ситуации: матричная ситуация понимается тогда как следствие соответствующего факта, принадлежащее последующему временному плану базовой ситуации. Можно было бы думать, что *зэрэ-*формы в целевых контекстах также трактуются как мотив, хотя и не связанный с фактом – и следовательно, вторичны. С другой стороны, целью, как правило, является не столько осуществление ситуации как таковой, сколько следствия факта ее возникновения. Думается, этим и обусловлено появление *зэрэ-*форм в целевых конструкциях.

В принципе, аналогичное объяснение может быть дано и появлению *зэрэ-* при выражении непосредственного предшествования и в квази-результативных конструкциях (см. примеры 10 и 11 в разделе 2): обе эти конструкции могут

фокусировать внимание на состоянии дел, имеющем место благодаря базовой ситуации. Тем не менее, в силу недостаточной описанности подобных употреблений, их связь с фактивностью требует дополнительного исследования.

Суммируя вышесказанное, мы полагаем, что составляющие, возглавляемые *зэрэ*-формами, указывают на факт некоторой ситуации. Но даже при таком инвариантном значении они допускают множество различных использований. Это, вероятно, вытекает из особой природы факта, несводимости его к какому-либо примитивному признаку.

3. *Зэрэ*-релятивизация?

Существование в адыгейском языке формы, специализирующейся на референции к фактам, с типологической точки зрения весьма примечательно. Но не меньший интерес представляет и то, какие это формы. Ниже мы попытаемся показать, что фактивные составляющие на деле представляют собой разновидность относительных конструкций. Начнем с того, что конструкции с *зэрэ*-формами разительно отличаются от большинства конструкций с подчиненными предикациями тем, что зависимые клаузы здесь регулярно оформляются падежным показателем⁹. Существует, однако, тип конструкций, весьма напоминающий рассматриваемые структуры, – *свободные релятивные конструкции*, в которых отсутствует именная вершина; ср. (22) и (23)¹⁰:

(22) *ЗэкIэ ыгъотырэр кышитэцтыгъэ.*

zeʃ'e ə-κ_wetə-re-r q-ə-šte-š'tə-κe
все 3SG-находить-DYN-ABS DIR-3SG-брать-IRR-PST
'Все, что находила, брала (в руки).'

(23) *Сэ ситетеу тыгъуасэ Мыекъяуанэ а къэкIуагъэм сыIукIагъ.*

se s-jə-tjetj-ew təκ_wase məjeq_wape a qe-κ_wa-κe-m
я 1SG-POSS-тетя-ADV вчера Майкоп тот DIR-идти-PST-ERG

⁹ Крайне частотный тип зависимых клауз, не обнаруживающий никаких сходств с именной группой, оформляется адвербиальным показателем -эу. Последний маркирует также выделяемый во многих работах «обстоятельный падеж». Тем не менее, свойства составляющих, маркированных -эу, свидетельствуют против трактовки этого показателя как падежного (см. Шагиров 2001).

¹⁰ В (23) *ситетеу* 'моя тетя' не является синтаксической вершиной, хотя и описывает мишень релятивизации.

sə-ʔ_wə-ç'a-ʔ

1SG-LOC-выходить-PST

‘Я встретила мою тетю, которая вчера приехала в Майкоп.’

Как и фактивные составляющие, свободные относительные клаузы могут выступать в канонических позициях именных групп, модифицироваться указательными местоимениями, а сказуемое в них обычно оформляется падежным показателем. Примечательно, что в отличие от именных групп, возглавляемых существительными, которые допускают и значимое отсутствие падежного суффикса (указывающее на нереферентность), в литературном адыгейском языке падежное маркирование на свободных релятивах обязательно – и то же верно и для составляющих, включающих *зэрэ*-формы. Наконец, как фактивные группы, так и относительные конструкции являются синтаксическими островами (в смысле работы Ross 1967), на что указывает то, что релятивизация отдельных их частей запрещена:

(24) **Сыда кысфэзышIэгъэ благъэр сапэ кыфагъэр?*

*səd-a qə-s-fə-zə-ʃe-ke blare-r sa-pe

что-Q DIR-1SG-BEN-REL-делать-PST родственник-ABS 1SG-перед

q-jəfa-ke-r

DIR-попадать-PST-ABS

(Ожид.): ‘Я встретила родственника, мне построившего что?’

(Букв. ‘Что есть то, что я встретила родственника, мне построившего?’)

(25) **цIыфхэу лы зэрэзэбгъэшхыгъэр сэ кьэсиIэжырэ*

*çəf-x-ew lə zere-ze-b-ke-šxə-ke-r se

человек-PL-ADV мясо zere-REL-2SG-CAUS-есть-PST-ABS я

qe-s-ʃe-ž'ə-re-r

DIR-1SG-знать-RFC-DYN-ABS

(Ожид.): ‘люди такие, что я помню, что ты накормил их мясом’

Помимо синтаксических сходств с релятивными конструкциями, составляющие, маркированные *зэрэ*-, проявляют и морфологические сходства. Так, при определенных условиях *зэрэ*-формы требуют присоединения динамического суффикса *-рэ* (26), также обнаруживаемого в сказуемых относительных предложениях (27). Заметим, что условия

эти у двух типов конструкций совпадают (появление *-рэ* обязательно, если сказуемое подчиненной клаузы представляет собой динамический предикат настоящего времени):

(26) *Делагъэахъцэ зэрэумыцтэрэр / *зэрэумыцтэр.*

djelake aχš'e zere-wə-mə-š'te-re-r / *zere-wə-mə-š'te-r
 глупость деньги zere-2SG-NEG-братъ-DYN-ABS zere-2SG-NEG-братъ-ABS
 ‘Глупость то, что ты не берешь деньги.’

(27) *Краснодар поездэу кIорэр / *кIор къутагъэ.*

krasnodar pojezd-ew k_we-re-r / *k_we-re-r q_wəta-вэ
 Краснодар поезд-ADV идти-DYN-ABS идти-ABS ломаться-PST
 ‘Поезд, идущий в Краснодар, сломался.’

Более того, комплекс *зэрэ-* встречается в ряде относительных предложений – в частности, при релятивизации образа действия (28) и инструмента (29)¹¹:

(28) *Льэтэныгъэ къызэрэпфишIырэр?*

lätənəve qə-ze-re-p-f-jə-šə-re-r
 уважение DIR-REL-INSTR-2SG-BEN-3SG-делать-DYN-ABS
 ‘С каким уважением к тебе относится [ваша невестка]?’
 (Букв.: ‘(Что есть то,) каким образом она тебе уважение делает?’)

(29) *Ioф зэрытиIэрэ уатэр модэ цыль.*

?_wef ze-rə-t-šə-re wate-r mwede š'ə-л
 работа REL-INSTR-1PL-делать-DYN МОЛОТОК-ABS там LOC-лежать
 ‘Молоток, которым мы работали, лежит там.’

Эти совпадения настораживают. Действительно ли надо постулировать отдельный префикс *зэрэ-* для одного из типов пропозициональных актантов? Нельзя ли свести образование рассматриваемых форм к тому же, что наблюдается в последних примерах?

Релятивизация в адыгейском языке маркируется исключительно морфологическими средствами (см. Hewitt 1979). В знаменательной словоформе структура левой части,

¹¹ В зависимости от контекста, диалекта и отчасти предпочтений говорящего *зэрэ-* может выступать в виде *зэры-*. Возможно, что выбор одного из вариантов помогает противопоставить формы с разной семантикой, но зачастую такое разграничение проводится не слишком последовательно.

описывающей аргументную структуру ситуации, выглядит следующим образом (ср. Яковлев, Ашхамаф 1941: 352ff; Кумахов 1964: 155-156; Smeets 1984; Тестелец 2004)¹²:

(30) (Показатель абсолютного аргумента) – (Директив) – (зэрэ) – ([комплексы актантной деривации]) – (Показатель непрямого объекта) – (Показатель агенса) –
Основа – ...

Показатели абсолютива, непрямого объекта и агенса представляют собой личные префиксы. Комплексы актантной деривации также включают личные префиксы, предшествующие «вводящим» их показателям актантной деривации (причем личный префикс 3 лица единственного числа является нулевым). Пример морфологически сложной словоформы дан в (31):

(31) *къысиIупфьтфетхы*

qə-s-ŝ_wə-p-fə-t-f-j-e-txə

DIR-1SG-MAL-2SG-BEN-1PL-BEN-3SG-DYN-писать

‘Он вместо тебя нам это пишет против моей воли.’

В приведенном примере левая часть помимо директивного показателя (в ряде случаев маркирующего инверсив) и агентивного личных префиксов включает также три комплекса актантной деривации – малефактивный *сиIу-* ‘против моей воли’ и два бенефактивных *пфы-* ‘вместо тебя’ (букв. ‘для тебя’) и *тф-* ‘для нас’.

Релятивизация любого имеющего свой слот в предикате актанта, кроме абсолютного, осуществляется простой заменой соответствующего личного префикса на релятивный маркер *зы-* (в зависимости от морфонологических условий могущего также выступать в виде *зэ-* или *з-*). Ср. следующие примеры, демонстрирующие то, как оформляется релятивизация бенефицианта:

¹² Приводимая структура несколько упрощена за счет того, что она не включает некоторые части, появляющиеся (или проявляющиеся) в узком кругу контекстов.

(32) а. *Сэ сикIалэ цэджэгъуаихэ фэсиIыгъ.*

se s-jə-čʰale šʼežek_wašxe Ø-fe-s-šə-в
я 1SG-POSS-парень обед 3SG-BEN-1SG-делать-PST
‘Я приготовила для сына обед.’

б. *Сэ цэджэгъуаихэ зыфэсиIыгъэ сикIалэр къэгужъуагъэп.*

se šʼežek_wašxe zə-fe-s-šə-ве s-jə-čʰale-г
я обед REL-BEN-1SG-делать-PST 1SG-POSS-парень-ABS
qe-g_wəž_wa-в-ер
DIR-опаздывать-PST-NEG
‘Мой сын, для которого я приготовила обед, не опоздал.’

Основываясь на данной картине, можно предположить, что и *зэрэ-*, на самом деле, представляет собой лишь комбинацию релятивного показателя *зэ-* и некоего префикса *рэ-*, образующую точно такой же комплекс, как *зыфэ-* в последнем примере. Другими словами, мы полагаем, что *зэрэ-*формы предполагают добавление некоторого аргумента и последующую его релятивизацию. Такое представление упрощает модель адыгейской словоформы, данную в (30), за счет элиминации из нее специального слота для *зэрэ-* (оказывающегося лишь частным случаем комплекса актантной деривации) и объясняет сходства между релятивными и фактивными конструкциями.

Остается, однако, вопрос о том, какой аргумент релятивизируется в фактивных конструкциях. Очевидно, что мишенью релятивизации в данном случае не может быть ни один из участников описываемой ситуации. Другой возможный кандидат на релятивизацию – так называемый событийный аргумент, постулируемый во многих исследованиях по семантике начиная с Davidson 1967, – действительно, существуют работы (например, Nichols 2003), трактующие некоторые пропозициональные актаны как относительные клаузы, в которых в качестве мишени релятивизации выступает само событие. Но в нашем случае это не является решением: релятивизируемый в *зэрэ-*формах аргумент вводится путем актантной деривации, а не присутствует в клаузе «изначально», как это предположительно имеет место в отношении событийного аргумента. В то же время, учитывая все сказанное выше, можно считать, что то, что вводится префиксом *-рэ*, а затем релятивизируется – это сам факт описываемой ситуации. Отметим, что гипотеза о фактивном аргументе, вообще говоря, не является новой. Ещё в классической статье Kiparsky, Kiparsky 1971 авторы выделяли в семантической структуре фактивных предикатов скрытое зависимое имя *FACT*, способное в некоторых

контекстах выражаться на поверхностном уровне в виде местоимения *it*, отличного по своим свойствам от омонимичного эксплетива (Kiparsky, Kiparsky, 1971: 355-356, 361-362):

(33) a. *Bill resents / *claims it that people are always comparing him to Mozart.*

‘Билл возмущается тем, что (утверждает, что) люди постоянно сравнивают его с Моцартом’.

b. *They didn't mind / *supposed it that a crowd was beginning to gather in the street.*

‘Они не обращают внимания на то, что (не предполагали, что) на улице стала собираться толпа’.

Таким образом, в постулировании фактивного аргумента, подвергающегося релятивизации, по сути, нет ничего крамольного. Более того, можно показать, что как раз подобное представление объясняет и некоторые особенности *зэрэ*-конструкций, на первый взгляд, отличающие их от относительных конструкций.

Нам известно два возможных возражения против трактовки фактивных составляющих как релятивных. Первое связано с тем, что соответствующий предполагаемой мишени аргумент никогда не выражается в независимых клаузах. Но если речь здесь действительно идет о фактивном аргументе, то его появление вне данной конструкции и не ожидается, поскольку сам факт, будучи производным от ситуации, никак ее не характеризует и не специфицирует. Кроме того, введение фактивного аргумента при описании ситуации излишне, поскольку в контексте указания на ситуацию он попросту не релевантен. С другой стороны, нелишне заметить, что данное возражение находит контраргументы и в других конструкциях: например, при релятивизации из подчиненных клауз в адыгейском языке в главную клаузу может вводиться дополнительный аргумент, кореферентный релятивизованному (и тоже маркированный как таковой), но не появляющийся в независимых предложениях:

(34) a. *пшьашъэу сызэплъээ сызфьльэпэуагъэр*

p̂šâ-ew sə-ze-pl-ze sə-z-fə-лepewa-кe-г

девушка-ADV 1SG-REL(10)-смотреть-SML 1SG-REL-BEN-спотыкаться-PST-ABS

‘девушка, смотря на которую, я споткнулся’

b. *Пиџаишгэм сеплъзэ сьлъэпэуагъ / *сыфьлъэпэуагъ.*

p̂saʃe-m s-je-pl-ze sə-лeрewa-в /
 девушка-ERG 1SG-3SG(10)-смотреть 1SG-спотыкаться-PST
 *sə-fə-лeрewa-в
 1SG-BEN-спотыкаться-PST
 ‘Смотря на девушку, я споткнулся.’

Таким образом, адыгейский язык, в принципе, позволяет добавление новых аргументов в относительных конструкциях, и фактивная релятивизация может пониматься как частный случай этого явления.

Второе возражение, встречающееся в литературе (см., например, Бижоев 1991: 87), состоит в том, что в отличие от обычных относительных конструкций, фактивные составляющие якобы не могут содержать вершинное имя. Хотя в рассматриваемых конструкциях сказуемое подчиненной клаузы действительно в норме возглавляет именную группу, строго говоря, это утверждение неверно. В частности, в адыгейском языке встречается конструкция, в которой фактивная группа выступает в качестве определения к имени *шьыпкъэ* ‘истина, правда’, подчеркивающему реальность факта; ср. примеры (35) и (36)¹³:

(35) *Гьэтханэм и-11-м [ар зэрэхъуцт шьыпкъэр] дзэм иштаб шьхьаIэ итацэ кьылуагъ.*

ketxare-m jə-11-m a-r ze-re-χ_wə-š't šəpɕe-r
 март-ERG POSS-11-ERG тот-ABS REL-re-случиться-IRR правда-ABS
 ze-m jə-štab šhaʔe jə-paš'e q-ə-ʔ_wa-в
 войско-ERG POSS-штаб главный POSS-начальник DIR-3SG-говорить-PST
 ‘11 марта командующий генеральным штабом армии сообщил, что это действительно случится.’

(36) *МыдрэмкIэ [ац лъапсэ зэриIэ шьыпкъэр] кьыгьэлъэгъожьыгъ.*

mədre-m-ç'e a-š' lapse ze-r-jə-ʔe šəpɕe-r
 этот-ERG-INS тот-ERG основание REL-re-LOC-быть правда-ABS

¹³ Данные предложения взяты из новостной ленты агентства АдыгеяНатПресс (www.adygeanatpress.net).

q-ə-ke-λeβ_we-ž'ə-k

DIR-3SG-CAUS-видеть-RFC-PST

‘В связи с этим он показал, что у него действительно есть основания.’

Эти примеры наглядно фальсифицируют утверждение о том, что фактивные конструкции структурно отличаются от других релятивных конструкций. То, что обычно фактивные выражения выступают без именной вершины объясняется, скорее всего, лишь отсутствием в языке полнозначных имен, способных за нести дополнительную информацию о референте такой именной группы.

5. Префикс *рэ-/ры-* и диахрония фактивных конструкций

Хотя фактивный аргумент и его выражение обнаруживают некоторые особые свойства, не стоит думать, что соответствующий комплекс актантной деривации принципиально отличается от прочих по тому, какие морфологические и семантические механизмы он задействует. В частности, есть основания полагать, что введение фактивного аргумента представляет собой лишь развитие функций инструментального префикса *рэ-/ры-* (ср. Бижоев 1991: 89-91).

Хотя префикс *ры-* не получил достаточного освещения ни в грамматических описаниях вроде Рогава, Керашева 1966, Зекох 2002, ни в работах, специально рассматривающих показатели актантной деривации, вроде Кумахов 1964, упоминается он достаточно часто. Так, еще в грамматике Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа (1941: 66-67) говорится об «орудном префиксе» *рэ-/ры-*, причем приводятся и примеры, включающие фонологически выраженный личный префикс, вводимый инструментальным маркером, вроде *кызырдыжэгузь* (qə-z-rə-žeg_wə-k DIR-1SG-INSTR-играть-PST) ‘Он мною играл’.

Подобно инструментальным показателям во многих других языках, *рэ-/ры-* имеет и более абстрактные функции. В частности, он может указывать на траекторию (37) и даже вводить тему речи (ср. пример 38a и его релятивное соответствие 38b). Последние контексты непосредственно связаны с типичными для факта конструкциями с ментальными глаголами, так что теоретически фактивный аргумент мог бы являться «наследником» аргумента темы речи.

Одновременно с этим конструкции релятивизации образа действия обнаруживают ряд сходств с фактивными конструкциями:

(i) Относительные конструкции образа действия, как правило, выступают без именной вершины. Так же, как и в случае с релятивизацией факта, это мотивировано тем, что количество имен, способных выступать в качестве такой вершины, крайне мало и практически все они носят абстрактный характер (см. Бижоев 1991: 87), так что их семантика по сути может быть уже имплицирована из роли мишени релятивизации.

(ii) Префикс *рэ-* в данной функции (как и в функции введения фактивного аргумента) не встречается в независимых клаузах, поскольку там выражения образа действия понимаются как несущие факультативную вспомогательную информацию, т.е. как адвербиалы, не получающие отражения в сказуемом. Но при релятивизации образа действия ни о какой факультативности, естественно, речи быть не может, чем и обусловлено появление префикса актантной деривации.

(iii) При релятивизации образа действия и факта *зэрэ-* имеет строго фиксированную позицию в словоформе – непосредственно после абсолютного личного префикса и директива (если они присутствуют) и перед всеми прочими личными префиксами и комплексами актантной деривации. Напротив, позиция других подобных комплексов относительно друг друга до некоторой степени варьирует – например, комплекс, включающий *рэ-/ры-* в инструментальной функции может находиться как слева, так и справа от локативного комплекса; ср. пару ‘Я где-то чем-либо пишу (нечто)’ *щырысэтхы* (š’э-гэ-se-txэ LOC-INSTR-1SG-писать) vs. *рыщысэтхы* (гэ-š’э-se-txэ INSTR-LOC-1SG-писать), цитируемую Яковлевым и Ашхамафом (1941: 356). Очевидно, что жесткая «внешняя» позиция *зэрэ-* факта и образа действия в словоформе коррелирует с отсутствием таких комплексов в «исходных формах», наблюдаемых в независимых клаузах. Можно считать, что они присоединяются уже на поздней стадии деривации относительного предложения и соответственно, крепятся сбоку от всех других аналогичных компонентов.

Учитывая эти сходства, а также производность *рэ-* образа действия от инструментальной функции и отсутствие явной связи между последней и фактивностью, мы предполагаем, что фактивная конструкция происходит от конструкции с релятивизацией образа действия, хотя детали этой эволюции остаются неясными.

Итак, на наш взгляд, фактивные формы являются расширенным использованием *зэрэ-* форм со значением образа действия, в то время, как последние непосредственно

связаны с другими употреблениями инструментального префикса *рэ-/ры-*. То, что формы со значением образа действия также, по-видимому, требуют релятивного префикса, могло бы привести к переосмыслению последовательности *зэрэ-* как единого целого. Тем не менее, постулирование такого переосмысления, как кажется, не является обязательным шагом, поскольку все *зэрэ-*формы допускают и обычную интерпретацию через релятивизацию.

7. Заключение

Совпадение оформления относительных предложений и пропозициональных актантов – широко распространенное явление. Достаточно вспомнить «полифункциональность» английского *that* или русского *что* – хотя Европой география этого явления, конечно, не исчерпывается¹⁵. Адыгейский язык свидетельствует в пользу того, что такое совпадение может иметь семантическую подоплеку, поскольку по крайней мере некоторые пропозициональные актанты могут быть представлены как образованные в результате релятивизации. Впрочем, для многих подобных случаев такая связь остается гипотетической. Одна из причин этого состоит в том, что грамматикализация показателей подчинения, сопровождаемая их десемантизацией, может приводить к сокрытию любых следов релятивизации. Кроме того, рассматриваемое явление может быть обусловлено наличием в языке более общего маркера «синтаксической номинализации», вовсе не предполагающего таких следов.

В то же время, данные адыгейского языка позволяют предположить, что и в этом случае на семантическом уровне происходит нечто вроде релятивизации – вопрос лишь в том, что оказывается мишенью (или ее аналогом) и каковы свойства этой мишени¹⁶. Проведенное исследование демонстрирует безусловную пользу понятия *факт* для описания грамматики, хотя оно одновременно демонстрирует и некоторую размытость

¹⁵ Пропозициональные актанты оформляются аналогично релятивным клаузам, например, в японском и корейском языках, в ряде африканских языков, в типологически близких адыгейскому салишских языках и т.д. Использование причастий в качестве вершин пропозициональных актантов распространено и в соседних с абхазо-адыгскими нахско-дагестанских языках, причем по крайней мере в некоторых из них использование релятивного кодирования в пропозициональных актантах ограничено фактивными контекстами (см., например, Калинина 1999).

¹⁶ Вероятно, именно свойства мишени должны объяснять те различия, что обнаруживаются между конструкциями с пропозициональными актантами и относительными конструкциями даже при едином оформлении; см., например, van der Auwera 1985.

«адыгейской фактивности» – возможно, вполне ожидаемую в условиях, когда данный семантический компонент получает грамматическое выражение.

Все это показывает, что исследование подобной релятивизации в действительности может дать ключ не только к устройству конструкций с пропозициональными актантами, но и к тому, как устроена фактивность, насколько она представляет собой единый семантический признак или лишь кластер таковых.

Используемые сокращения

ABS – абсолютив, ADV – адвербиальный суффикс, AUG – аугмент, BEN – бенефактив, CAUS – каузатив, COH – маркер когерентности, COM – комитатив, COND – кондиционал, CS – консекутив, DIR – директив, DYN – показатель динамичности, ERG – эргатив (косвенный падеж), INS – «творительный падеж», INSTR – инструментальный префикс, IRR – ирреалис, LOC – локативный префикс, MAL – малефактив, NEG – отрицание, PL – множественное число, POSS – посессив, POT – потенциалис/масдар, PRED – предикативный суффикс, PST – прошедшее время, REL – релятив, RFC – рефактив, RFL – рефлексив, SG – единственное число. Числа указывают на лицо. Нулевые морфемы отображаются только по мере необходимости.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука.
- Бижоев Б. Ч. 1991. *Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении*. Нальчик: Нарт.
- Зализняк Анна А. 1990. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. М.: Наука. С. 21-33.
- Зекох У. С. 2002. *Адыгейская грамматика*. Майкоп: Адыгея.
- Калинина Е. Ю. 1999. Об омонимии и инвариантах // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры. С. 212-223.
- Керашева З. И. 1984. *Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках*. Тбилиси: Мецниереба.
- Кумахов М. А. 1964. *Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика*. I. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное изд.
- Кумахов М. А. 1989. *Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков*. М.: Наука.

- Кумахов М. А., Вамлинг К. 1998. *Дополнительные конструкции в кабардинском языке*. Lund: Lund University.
- Кумахова З. Ю. *Абдзехский диалект и его место среди других диалектов адыгейского языка*. Нальчик.
- Рогавя Г. В., Керашева З. И. 1966. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар — Майкоп: Краснодарское книжное изд.
- Тестелец Я. Г. 2004. О трёх моделях морфологии // *Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2004 г.)*. СПб.: Наука. С. 115-122.
- Шагиров А. К. 2001. О так называемом превратительном, или выделительном, падеже в адыгских языках // Н. С. Бабенко (ред.). *Язык: теория, история, типология*. М.: Эдиториал УРСС. С. 502-506.
- Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. 1941. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.— Л.: Изд. АН СССР.
- Davidson D. 1967. The logical form of action sentences // N. Rescher (ed.). *The Logic of Decision and Action*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.
- Hewitt B. G. 1979. The relative clause in Adyghe (Temirgoi dialect) // *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*, VI. Тбилиси. С. 134-162.
- Kiparsky P., Kiparsky C. 1971. Fact // L. Jakobovits and D. Steinberg (eds). *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 345-369.
- Kratzer A. 2002. Facts: Particulars or information units? // *Linguistics and Philosophy* 25. P. 655-670.
- Lewis D. 1979. Score-keeping in a language game // *Journal of Philosophical Logic* 8. P. 339-359.
- Nichols L. 2003. Attitude evaluation in complex NPs // A. Carnie et al. (eds). *Formal Approaches to Function in Grammar: Papers in Honor of Eloise Jelinek*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 155-164.
- Ross J. R. 1967. Constraints on Variables in Syntax. Ph.D. dissertation, MIT.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
- van der Auwera J. 1985. Relative *that* - a centennial dispute // *Journal of Linguistics* 21. P. 149-179.